

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ КАК СИСТЕМА

Традиционная школьная тема – «Личные местоимения». Так это же такая скука. И что там может быть интересного, системного? Что тут вообще можно раскладывать по полочкам? – Лицо, число, падеж. И еще род, но не у всех. С детства ребятишки не путают и где тут искать какие-то еще симметрии-асимметрии?

И тем не менее, при системном взгляде на привычные местоимения в них при их внешней простоте можно найти массу самых неожиданных связей языка с логикой, социологией, историей, психологией, ..., с философией и математикой.

Личные местоимения в славянских и других языках мира представляют одну из самых старых языковых подсистем. На ее древность косвенно указывает супплетивное (от разных корней) образование пары "я": "мы" и такое же склонение ср. я – меня, мне, мной, обо мне и мы – нас, нам, нами, о нас. Аналогично шведское jag (я) и mig (меня – объектный и родительный падежи). Подобный супплетивизм характерен для многих других языков в отношении указанной пары местоимений.

Личные местоимения имеют три функции: 1. обращения (апеллятива) – ты или вы (вместо Наташа, Лилия Ивановна), 2. самоназывания я или мы (субститут имени собственного в комплексе), 3. указательно-выделительную – он, она, оно, они для обобщенного абстрактного называния других объектов.

Три основных категории – лица, числа и падежа – в третьем лице единственном числе дополняются категорией рода. Лицо и число в местоимениях Я, ТЫ, ВЫ, МЫ, ОНИ – интегративное в отношении рода, он не выражен. Но всегда ли так было?

Число со времен пифагорейцев привлекает интерес ученых разных наук – от математиков до лингвистов. В рамках ЧИСЛА, как общефилософской категории по сути и языковой в частности, мы и объединяем остальные категории

местоимений, связанные общим системным подходом, базирующимся на симметро-асимметрии [Карпов 1998].

Кроме лингвистических работ есть другие, где лингвистический языковой объект-система личные местоимения рассматривается с других позиций.

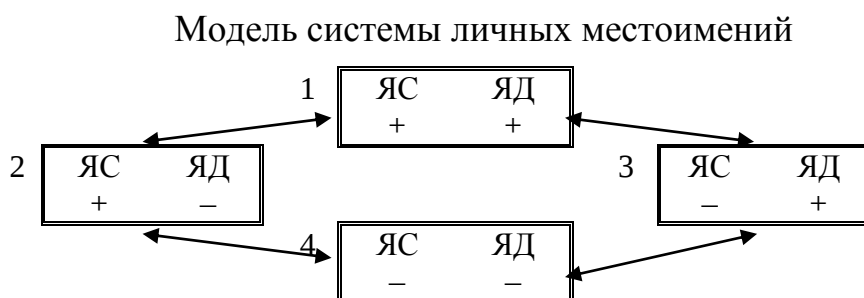
Так, в работе «Социальная психология и история» одна из **пяти глав** посвящена анализу отношений, связанных с категориями лица и числа личных местоимений. Б. Поршнев, вопреки Л. Фейербаху, который считал отношение МЫ:ВЫ наиболее древним, полагает, что МЫ:ОНИ является более древней оппозицией как отношения двух общностей [Поршнев 1979, 78–84]. Предыстория же этой проблемы восходит к немецкой классической идеалистической философии. В работе «От идеализма к материализму» Г.В. Плеханов, аналитически препарируя Фейербаха, приводит его точку зрения следующим образом: «Идеализм совершает большую ошибку, принимая учение об "я" за точку исхода. Философия непременно должна усвоить себе новую точку исхода, – учение об "я" – и – "ты"» [Плеханов 1957, 671].

Симметрично-асимметричный подход, развиваемый в работе «Язык как система», позволяет обнаружить в системе личных местоимений свои симметрии и асимметрии [Карпов ЯКС, 1992]. Поэтому мы попытались логико-математическим путем снять противоречие между двумя точками зрения. Подчеркнем, что снятие противоречия доказательством ошибки одной из сторон чаще всего менее эффективно, чем диалектическое объединение двух противоположных точек зрения на проблему.

Целостную систему личных местоимений мы строим на одной оппозиции, выводя остальные логически. Возьмём за исходные элементы системы оппозицию Я:не Я (другое Я). «Я» обозначим как Я^С (Я САМ), не Я (другое Я) обозначим как Я^Д (Я ДРУГОЕ). Плюс «+» обозначает отдельное или совместное существование подсистем Я^С и Я^Д, минус «–» – отсутствие Я^С и Я^Д как элементов в комбинаторике (также отдельность), или новые неаддитивные отношения в комбинаторике. Симметричным моментом оппозиции Я^С:Я^Д будет категория числа, асимметричным – категория лица.

Два системообразующие концепта позволяют построение целостной полносвязной системы личных местоимений в виде двухмерного плюсминусового куба. Целостность понимается как заполнение всех подсистем, а полносвязность как наличие связей любой подсистемы с любой, включая и замыкание подсистемы на себя.

Рис. 1

Целостная полносвязная система будет состоять из четырех подсистем: две исходные и две выведенные логически. Отметим, что имеется два вида целевой (направленной) речемыслительной деятельности: диалог и повествование. Это весьма важно для нас при последующем изложении.

Исходная подсистема 2 Я^С (Я САМ) представляет индивида (меня, автора), сознающего ощущение граничности своего тела, его предела, конечности. Здесь объединены две категории – лица и числа (они симметричны – единственное). Трактуя Фейербаха, Г.В. Плеханов приводит диалектически точное и полное определение «Я»: «Для себя я – субъект; для других – объект. Стало быть, я одновременно и субъект и объект или, короче, субъект-объект» [Плеханов 1957, 671].

Такая ситуация позволяет предполагать существование и других субъекто-объектов, требующих номинации симметрично-асимметричного характера – симметрия числа и асимметрия лица. Это подсистема 3.

Подсистема 3 – Я^Д (Я ДРУГОЙ) существует в моем ощущении и сознании в виде «он как я, но не я» и переназывается мной как ТЫ (дружеская форма при моем обращении), или ОН, ОНА (при рассказе о данном объекте). Здесь же появляется и местоимение ОНО. Если Я, ТЫ, ВЫ, ОН и ОНА связаны с называнием лица по полу, хотя в первых трех это формально не выражено, то ОНО с полом не связано (млекопитающее животное, эму, ... не в счет). При этом появляется категория рода. Эти две подсистемы образуют ось единичности в системе отношений. Создается система равенств – Я=ТЫ, ТЫ=Я, ТЫ=ОН, ТЫ=ОНА, Я=ОН, Я=ОНА. В эту же подсистему входит и уважительная форма ВЫ при диалоге (Я=ВЫ, ВЫ=ОН, ВЫ=ОНА).

А вот в упомянутом выше шведском языке эта подсистема интересна тем, что местоимения третьего лица имеют более разветвленную систему, где различаются местоимения han = ЁН, hon = ЯНА, используемые для называния лиц мужского и женского пола, а для называния предметов имеются другие местоимения: den = ЁН/ЯНА (предметный род) и det = ЯНО. Во множественном числе одно местоимение de = ЯНЫ, объединяющее все роды [Шведско-русский словарь 1973, 738-739]. В датском языке уже есть маленькие отличия – для обозначения лиц мужского пола han = ён, hun = ЯНА для обозначения лиц женского пола, den = ЁН, ЯНА, ЯНО (общий род) и det = ЁН, ЯНА, ЯНО (средний род), de = ЯНЫ также без указания на род или пол [Датско-русский словарь 1975, 857].

Оппозиция подсистем 2:1 предполагает асимметрию категории числа при симметрии категории лица. Подсистема 1 объединяет Я^С (для себя и одновременно ТЫ для другого Я САМ) и Я^Д, который является подсистемой Я САМ (для себя и одновременно ТЫ/ВЫ для меня) в теоретически ожидаемую подсистему МЫ (Я + ТЫ, Я + ВЫ).

Оппозиция Я^С:МЫ содержит симметрию лица и асимметрию числа, а оппозиция Я^Д:МЫ – асимметрию лица и числа.

Оппозиция подсистем 2:4 предполагает асимметрию лица (первое против третьего) и асимметрию числа (единственное против множественного).

Подсистема 4 представляет множество в виде ВЫ (при обращении к множеству) и ОНИ (множество субъектов или объектов при рассказе). Забавно, что и здесь идет выравнивание: объекты, называемые нами как ОНИ, называют себя МЫ, а НАС – ОНИ.

Подсистемы 2 и 1 представлены супплетивами, а подсистемы 3 и 4 связаны одним корнем, что дает право предполагать более позднее появление в целостной системе пар ОН – ОНИ, ОНА – ОНИ, ОНО – ОНИ.

Как видим, система целостная, т.к. все подсистемы непусты, система связная оппозиционно-неоппозиционными отношениями лица и числа, система противоречива в отношении выраженности рода у одних и невыраженности этой категории у других местоимений, что говорит о ее неравновесности. При равновесности в каждой подсистеме должен быть только один объект. Таким образом, симметрии-асимметрии лица и числа указывают на равновесность и неравновесность в системе. Система местоимений имеет больше асимметрий, чем симметрий, а ранее было доказано, что асимметрия более информативна количественно, тогда как симметрия легче тиражируется [Карпов ЯКС 1992, 203-217]. Неравновесность для нас – это отсутствие родовых вариантов для Я, ТЫ, ВЫ, МЫ, ОНИ. Основания для этого находим. У В.В. Виноградова – «Например, в русском переводе повести Гофмана "Чудесное дитя" дитя говорит о себе: "Я пришло, я было"; так же говорит о себе и бутылочное горлышко в книге Пешковского "Наш язык"» [Виноградов 1972, 262]. Что тут говорить о сказках с говорящими печами, яблонями и всем зверьем вместе с лешими, русалками, эльфами, феями и т.п.! Интересно – были ли они? Что мешало древним славянам размахнуться еще на полтора-два десятка личных местоимений? Но мы должны помнить о том, что изменения в системе одного рода (в местоимениях) тогда бы вызвали лавину изменений в системе другого рода, связанного с ней (в глаголах), так как нужно было бы создавать родовые формы для настоящего и будущего времени, а это еще сотни тысяч новых словоформ... А может у неславян не так? Сразу столько вопросов...

Внешне целостная система изоморфна математической группе четвертого порядка. Теперь рассмотрим требуемые групповым подходом взаимодействия подсистем, представив их как умножение знаковых кодов подсистем и интерпретируем результаты умножения.

Матрица 1

Взаимодействие подсистем

	++ мы	+ – я	– + ты/он/она	-- вы/они
++ мы	++ 1	+ – 2	– + 3	-- 4
+ – я	+ – 5	++ 6	-- 7	– + 8
– + ты/он/она	– + 9	-- 10	++ 11	+ – 12
-- вы /они	-- 13	– + 14	+ – 15	++ 16

Операция замыкания подсистемы 1 на себя в виде умножения кодов ($++ * ++ = 1$) понимается как дление подсистемы МЫ во времени (мы были, мы есть, мы будем) и рефлексия МЫ. Что означает эта рефлексия? – Размышление о составе названия МЫ.

Во-первых, о количестве лиц, объединяемых этим словом. В минимуме это два человека, в максимуме МЫ – это – нации, народы, континенты, планета – армяне, белорусы, ... россияне; азиаты, ... европейцы, земляне (и даже потенциальные марсиане, отмеченные в словаре, но еще не зафиксированные в реальности). МЫ в объединительном значении – все родственники, все жители подъезда, этажа, дома, квартала, города; студенты одной группы, курса, факультета, вуза и т.п.). Во-вторых, за словом МЫ скрываются разные наборы лиц, связанные категорией рода, т.к. мы = мужской род + мужской род (дед и внук, отец и сын, братья, племянники), мы = женский род + женский род (бабушка и внучка, мать и дочь, сёстры, племянницы и т.п.), мы = мужской род + женский род (дедушка и бабушка, дедушка и внучка, бабушка и внук, отец и дочь, мать и сын и т.п.). Важная особенность МЫ заключается еще и в том, что МЫ ни в коем случае не представляет Я во множественном числе – это обязательно Я^с и Я^д. О нелогичности представления форм Я и Ты во множественном числе со ссылками на Буслаева и Боппа писал еще В.В. Виноградов [Виноградов 1972, 265].

Интересны и тавтологии вместо Я с Тобой – мы с тобой, мы с ним, где МЫ выступает как множественное Я^с = автор вместе с Я^д (Вспомните детский стишок – Мы с товарищем вдвоем замечательно живем. Мы такие с ним друзья – куда он, туда и я). Можно полагать, что подсистема МЫ явление более древнее по сравнению с подсистемой Я^с.

Интересны в плане морфологического разнообразия местоимения МЫ данные экзотических языков. Так, в одном из языков восточно-гималайской группы – лимбу (тибето-бирманская ветвь китайско-тибетской семьи) кроме anpa (я), имеются следующие объединительные местоимения первого лица: an-chi (я и ты), an-chi-ge (я и он), api (я и вы), api-ge (я и они) [БЭС Языкознание, 103]. Вот вам и пример разрастания и возможного наполнения подсистемы МЫ.

Операция замыкания подсистемы 2 на себя (+ – * + – = 1) трактуется как объединение некоего многопризнакового субъекта Я = русский = Иванов = отец = ... с другим единичным многопризнаковым Я = белорус = Олехнович = сын = офицер = ... в МЫ (русские, белорусы, ..., Ивановы, Олехновичи, ..., и т.п.) на базе хотя бы одного общего признака. Другими словами – существование МЫ как отдельной подсистемы создается и поддерживается за счет существования и взаимодействия множеств Я друг с другом. Тем самым доказан поршневский тезис: «МЫ стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей» [Поршнев 1979, 84].

Операция –+ * –+ = 1 означает замыкание элементов подсистемы 3 на себя. Так как любое ТЫ, любой ОН и любая ОНА представляют себя как Я, эта операция идентична операции замыкания подсистемы 2 на себя с обратным знаком сомножителей. Это также дление набора местоимений этой подсистемы через МЫ.

Операцию замыкания подсистемы 4 на себя (– – * – – = 1) можно объяснить так: в моем сознании некоторое множество ОНИ существует как целость в массе вариантов: ОНИ = болгары : ОНИ = японцы или ОНИ = муж и жена : ОНИ = брат и сестра и т.п. И все эти ОНИ называют себя МЫ + название или

самоназвание мы называем жителей Германии – немцами, германцами (от Germania), они же страну называют Deutschland, себя Deutsche. Это также дление ОНИ через МЫ.

Б.Ф. Поршнев, доказывая тезис о снятии в достаточно отдаленном будущем оппозиции МЫ:ОНИ, имеет в виду создание на планете глобального, объединенного одной социальной психологией общества – «социопсихосферы», названной так по модели с «ноосферой» Вернадского: «Прошли долгие тысячелетия, прежде чем впервые пробудилась мысль, что "мы" может совпадать со всем человечеством, не противостоять никакому "они"» [Поршнев 1979, 84]. Это не означает, что местоимение ОНИ в повествовании исчезнет. МЫ будет означать землян, ОНИ – инопланетян, что уже находит место в фантастике.

Четырехкратное получение в результате замыкания подсистем самих на себя (клетки 1, 6, 11 и 16) кода подсистемы МЫ, позволяет считать, что МЫ является основой системы личных местоимений, ее маркированным элементом (математически – единичным элементом группы и само по себе является группой первого порядка). Это своеобразное «зеркало» в системе, глядя в которое некоторый субъект осознает тождество отражения самому себе, что видно из следующих результатов (клетки 5, 9 и 13).

Операция $+ - * ++ = 2 * 1 = 2$ показывает, что Я и в системе МЫ осознаю себя как Я отдельное, или Я САМ.

Операция $- + * ++ = 3 * 1 = 3$ дает представление, что любые ТЫ, ВЫ или ОН, ОНА в некотором МЫ ощущали себя таковыми при обращении к ним или при слушании рассказа о себе. Еще один интересный пример, показывающий использование МЫ вместо ТЫ или ВЫ при обращении врача к больному: «Как МЫ себя сегодня чувствуем?», сохраняющего второе лицо. Оно же присутствует и в сравнительных оборотах, когда об объекте говорения повествуется при его отсутствии: Он как мы, но не совсем ...

Операция $- - * ++ = 4 * 1 = 4$ иллюстрирует ситуацию, когда ОНИ (для нас) называют себя МЫ и остаются для нас как ОНИ.

Операция $++ * +- = 1 * 2 = 2$ показывает возможность использования МЫ вместо Я. И при этом сущностное, реальное Я остается самим собой. Сюда можно отнести хотя бы классические случаи типа имперского «МЫ, Николай второй»; бюрократического «МЫ, начальство»; атавистически стыдливого МЫ автора вместо Я (множественное авторское, множественное скромности). В упоминавшейся работе В.В. Виноградова есть интересный пассаж, где он приводит часть предисловия П.А. Каратыгина к его «Запискам»: «Не будет ли проглядывать сквозь эту болтовню мелочное самолюбьишко мое, где я необходимо будет тут на первом плане? Но и то сказать: лучше употребить это короткое местоимение, нежели говорить мы, которое как-то напоминает наших глубоко-мысленно мычащих журналистов, а вместе с ними и муху из басни Крылова: "Мы пахали". Итак, чтобы не походить ни на тех, ни на другую, лучше говорить я: оно короче и яснее» [Виноградов 1972, 265]. Здесь есть и один маленький лингвистический казус – Я – короче на письме, чем МЫ, а в звучании (ср. ја и мы) они равны.

В польской лингвистике, в тех случаях, когда говорящий высказывается о себе во множественном числе для выражения серьезности, величия – принят специальный термин *Pluralis majestaticus* (множественное величия, святости, достоинства, авторитета) – ср. *My, król polski* [Bobran Marian, Doros Aleksander, 128]. С другой стороны, это свидетельствует о том, что в МЫ как множестве Я является отдельной составляющей.

Операция $++ * -+ = 1 * 3 = 3$ представляет собой пример того, как МЫ превращаем формы обращения ТЫ или ВЫ в форму ОН, ОНА при рассказе и наоборот – формы ОН, ОНА превращаем в ТЫ или ВЫ. Это проявление вариантности числа и качества элементов подсистемы 3, её специфичности, двойственности лица – присутствие – второе лицо, отсутствие – третье.

Операция $++ * -- = 1 * 4 = 4$ показывает как МЫ, обращаясь к некоторому множеству при диалоге как к ВЫ, считаем ВЫ=ОНИ, до их прихода и визуального фиксирования. Это смена вариантов одной сущности при диалоге и рассказе.

Операция $+ - * -- = 2 * 4 = 3$ говорит о том, что оппозиция Я:ОНИ невозможна без существования единичных ОН, ОНА, ОНО, создающих в различной комбинаторике (при минимуме 2 – ЁН + ЁН, ЯНА + ЯНА, ЯНО + ЯНО, ЁН + ЯНА, ЁН + ЯНО, ЯНА + ЯНО) 6 типов множества, называемого ОНИ.

Обратную ей операцию $-- * +- = 4 * 2 = 3$ можно интерпретировать как ситуацию в которой ОНИ меня называют не по имени-отчеству, не товарищ или господин Икс, а как ТЫ/ВЫ, ОН, ОНА в зависимости от конкретных обстоятельств (диалог или повествование, в котором фигурирую Я).

Операция $- + * -- = 3 * 4 = 2$ может быть истолкована как выделение отдельного объекта из знакомого или незнакомого мне множества лиц, которые для меня представляют ВЫ/ОНИ (мн.ч.) и обращение к нему в виде ТЫ/ВЫ(ед.ч.) среди множества ОНИ, произведенное мной. Или то же самое выделение при рассказе о выделенном объекте: – Он не как они, моложе ... – вспомнив, ответил я. Она, как и все они, бедна...

Обратная ей операция $-- * -+ = 4 * 3 = 2$ показывает, что деление некоторого множества ОНИ на подмножества ТЫ/ВЫ, ОН, ОНА, ОНО произвожу Я, и, допустим, различаю разные составы ОНИ: одинаковые объекто-субъекты – ОНИ=ОН+ОН, ОНИ=ОНА+ОНА, ОНИ=ОНО+ОНО и различные – ОНИ = ОН + ОНА, ОНИ = ОН + ОНО, ОНИ + ОНА + ОНО, хотя формально в слове ОНИ это и не выражено.

Кстати, в других славянских языках местоимение ОНИ более вариантно и есть особые формы третьего лица множественного числа: так, в сербско-хорв. местоимение ОНИ называет множество лиц мужского рода, местоимение ОНЕ – множество лиц женского рода, и местоимение ОНА – множество объектов среднего рода, создавая омонимию с местоимением женского рода единственного числа ОНА [Леонова 1988, 45]. Сходную картину видим и в чешском языке: есть два местоимения ONI и ONY для мужского рода, ONY – для существительных женского рода и ONA – для среднего рода, также омонимичное местоимению единственного числа женского рода с жен. ед. [Ивашина, Плотников 1985, 52]. В сербо-лужицком языке наряду с формой WONE для множе-

ственного числа имеется форма WONI , которая соотносится с лицами мужского пола. Там сохранилась и форма двойственного числа WONEJ и вместе с ней – WONAJ – форма, соотносящаяся с лицами мужского пола [Трофимович 1989, 26–27].

Операцию $+- * -+ = 2 * 3 = 4$ может иллюстрировать следующая ситуация: Я=слуга, появляется гость=Он и спрашивает у меня: Барин дома? – Мой ответ: – Они отдыхают, где форма ОНИ используется как субститут формы ОН.

Обратная ей операция $-+ * +- = 3 * 2 = 4$ может трактоваться как то, что ОН считает мое Я (меня) принадлежащим некоторому множеству ОНИ. Допустим, студент – для меня ОН = Я^Д – спрашивает меня (для себя Я^С) не пишу ли я стихи? Другими словами – по его мнению обо мне я отношусь к НИМ (пишущим стихи).

При такой интерпретации система личных местоимений в виде отношений ЛИЦО и ЧИСЛО изоморфна абелевой группе четвертого порядка. В ней согласно теоремам Лагранжа и Силова можно найти одну подгруппу первого порядка и три подгруппы второго порядка.

Такой результат анализа системы местоимений доказывает неосознаваемую в языковом плане математичность нашего мышления при отражении мира, его симметрично-асимметричную основу. А симметрия по свидетельству философов «является одной из наиболее фундаментальных и одной из наиболее общих закономерностей мироздания: неживой, живой природы и общества. Ее математическое выражение – теория групп – была признана одним из самых сильных средств познания сначала в математике, а позднее в науке и искусстве» [Урманцев 1988, 58].